

Л.В. Турарбекова¹ , Д.Р. Сапарова² , Тержан Нурфер¹

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

²Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, Казахстан, г. Усть-Каменогорск

*e-mail: l.turarbek@mail.ru

ГИПОТЕЗА ПРЕФИГУРАТИВНОСТИ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОКОЛЕНИЯ Y, Z НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена анализу термина префигуративной культуры в контексте теории поколений Штрауса-Хоува. Анализу, в частности, подвергается утверждение, согласно которому инновационные технологии меняют саму природу человека и его социальные связи в обществах, в которых упор делается на дальнейшее совершенствование и внедрение инновационных цифровых технологий в области социальных коммуникаций, профессиональной деятельности, воспитания подрастающего поколения. Целью исследования является постановка гипотезы префигуративности цифровой культуры поколения Y, Z, а также попытка ответить на вопрос о возможности изменить фундаментальные характеристики человеческого существа, включенного в новую цифровую реальность. Парадоксальность сути последней состоит в ее принадлежности миру людей и миру бесчеловечных сил природы. Антропологический подход оценивает степень и результат взаимодействия техники и человека. В исследовании использованы материалы, полученные в ходе социологических опросов на территории Республики Казахстан, Кыргызстана, Азербайджана, Таджикистана и в Российской Федерации с целью выявления таких парадоксальных ситуаций, в которых сталкиваются «старые» и «новые» представления о сущности человека, о его месте в мире и его взаимоотношениях с миром.

Ключевые слова: префигуративная культура, поколения Y и Z, цифровая культура, виртуальная реальность, страны Центральной Азии.

L. Turarbekova¹, D. Saparova², Tercan Nurfer³

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

²East Kazakhstan University named after S. Amanzholov, Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk

*e-mail: l.turarbek@mail.ru

The hypothesis of the prefigurative culture of digital generation Y, Z in the Post-Soviet space

The article is devoted to the analysis of the term of prefigurative culture in the context of Strauss-Howe's generational theory. The analysis, in particular, states that innovative technologies are changing the very nature of man and his social connections in societies that focus on further improving and introducing innovative digital technologies in the fields of social communications, professional activities, education of the younger generation, science and other fields. The aim of the research is to put a hypothesis of the prefigurative digital culture of Generation Y, Z and to try to answer the question of the possibility of changing the fundamental characteristics of the human being included in the new digital reality. The paradox of its essence lies in its belonging to the world of people and to the world of the inhuman forces of nature. The anthropological approach assesses degree and result of the interaction between technology and man.

Key words: prefigurative culture, generation Y, generation Z, digital culture, virtual reality, Central Asian countries.

Л.В. Тұрарбекова^{1*}, Д.Р. Сапарова², Нурфер Тержан¹

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

²С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті, Қазақстан, Өскемен қ.

*e-mail: l.turarbek@mail.ru

Постсоветтік кеңістіктегі Y, Z ұрпағының сандық мәдениетінің префигуративті гипотезасы

Мақала Штраус-Хоув ұрпақтарының теориясы контексіндегі префигуративті мәдениет терминін талдауға арналған. Мұндағы ең басты мәселе инновациялық технологиялар адамның табиғатын және оның қоғамдағы әлеуметтік байланыстарын өзгертуі мен ондағы әлеуметтік коммуникация, кәсіби қызмет және жас ұрпақты тәрбиелеу саласында инновациялық сандық технологияларды одан әрі жетілдіру мен енгізу туралы сипаттама беріліп зерттеу жүргізілген. Авторлар заманауи жастарына салыстырмалы талдау жасап, Интернет ғаламдық желідегі қазіргі заманғы жастарда кездесетін қауіп-қатерлердің мысалын келтіреді. Әлемдік компьютерлік желі адамның нақты кеңістігін ауыстырған жаңа виртуалды шынайылықты жасады. Зерттеудің мақсаты – Y, Z ұрпағының сандық мәдениетінің префигуративті гипотезасын тұжырымдау, сонымен қатар жаңа сандық шындыққа енгізілген адамның негізгі сипаттамаларын өзгерту мүмкіндігі туралы сұраққа жауап алу болды. Бұл тұжырымдамалар негізінде антропологиялық тәсіл, технология мен адамның өзара әрекеттесу дәрежесі мен нәтижесін бағалайтындығына талдау жасалды. Адамның мәні, оның әлемдегі орны және әлеммен қарым-қатынасы туралы “өткен” және “жаңа” идеялар кездесетін парадоксалды жағдайларды анықтау үшін Қазақстан Республикасы, Қырғызстан Республикасы, Әзірбайжан, Тәжікстан және Ресей Федерациясында әлеуметтік сауалнамалар барысында алынған зерттеу материалдар пайдаланылды.

Түйін сөздер: префигуративті мәдениет, Y және Z ұрпақтары, сандық мәдениет, виртуалды шындық, Орталық Азия елдері.

Введение

Тенденция к философской рефлексии о влиянии новых технологий на состояние человека и его взаимоотношения с миром обозначается с середины XIX века и окончательно оформляется примерно в 20-х – 30-х годах XX века в связи с появлением представлений о прорывных, революционно новых технологиях, способных изменить жизнь человечества. Например, интеллектуальное движение, известное как русский космизм, являлось учением о футурологической составляющей представлений о технике. В трудах Фёдорова Н.Ф., Циолковского К.Э., Вернадского В.И. отражена надежда на прорывное значение инновационных технологий в деле объединения человечества в некое новое, принципиально отличное от всех предшествующих сообщество людей, устремленных в космос для осуществления высших целей и реализации высшего предназначения человека. Такую тенденцию можно обозначить как технический оптимизм. Наряду с техническим оптимизмом, можно отметить и иную тенденцию в оценке взаимоотношений человека и техники, обозначившуюся в первой половине XX века. Подход, который мы могли бы означить как антропологический, предлагает трезво взглянуть на взаимоотношения человека и изобретаемых им механизмов. Одним из первых подобный подход использовал Н.А. Бердя-

ев. «Техника есть последняя любовь человека» (Бердяев, 1933:5), так с первых строк характеризует философ взаимоотношения современных ему человека и техники. Для бердяевской позиции характерна технофобия, выражающаяся в опасении, что техника – порождение культуры, без которого культура не существует, и являющаяся одновременно и концом культуры, тем, от чего культура погибнет. Согласно Бердяеву, основной парадокс техники заключается в одновременно сосуществующих в ней противоположных по аксиологическому значению элементах – техническом и природно-органическом. Если технический элемент победит элемент природно-органический, культура переродится «во что-то иное, на культуру уже не похожее» (Бердяев, 1933:6).

После Второй мировой войны позицию, подобную бердяевской, высказал Хайдеггер. В 1949 году Мартин Хайдеггер задается вопросом о метафизической сути «техники», предложив два возможных подхода в ее определении. Первый, инструментальный, предлагает определять технику как способ достижения целей. Второй, называемый Хайдеггером антропологическим, определяет технику как человеческую деятельность (Heidegger, 1977). Во все времена, утверждает Хайдеггер, техника была одним из способов раскрытия истины в ходе созидательной деятельности человека, способом достижения

состояния «алетейя» (от греческого ἀ-λήθεια – не-закрытость, состояние очевидности, истина), то есть несокрытости сути. Техника раскрывает суть вещи, материала, из которого создана вещь, а также самого процесса раскрытия сути материала, вещи и участия создателя вещи.

Однако уже в 1949 году современная философия техника представляется ему не имеющей ничего общего с алетейей, то есть процессом раскрытия истины. Суть современных технологий массового производства – *Ge-stell*, то, что в английских переводах текста Хайдеггера обозначено как *enframing* от *frame* – рамки. *Ge-stell* (от немецкого *Gestell* – рамки, но также и поддерживающая структура, каркас) – это безличный процесс создания материальных благ, в котором аристотелевская четырехчастная причинно-следственная связь (*causa materialis*, *causa formalis*, *causa finalis*, *causa efficiens*) и антропологическое определение техники как человеческой деятельности, итогом которой является раскрытие сути создаваемого и создающего, теряют смысл. Суть современной техники не в том, что она есть средство достижения каких-то определенных целей, а также не в том, чтобы в ходе деятельности, труда, человеку раскрывалась существенная составляющая его бытия. Суть в том, чтобы произвести как можно больше продукта, способного остаться в резерве, в наличии, обезличенное массовое индустриальное производство, создающее рамки, из которых не вырваться современному человеку, даже если он полагает, что, по роду своей деятельности, не имеет к массовому производству никакого отношения.

Такой, подобный бердяевско-хайдеггерианскому негативный взгляд на суть современных технологий можно назвать технологическим пессимизмом. Суть технологического пессимизма в осторожной и часто склоняющейся к негативной оценке взаимоотношений человека и техники.

Итак, две основные позиции в оценке роли современных технологий, технологический оптимизм и технологический пессимизм, являются двумя противоположными полюсами, между которыми будет осциллировать наше исследование относительно влияния цифровых технологий на современную нам молодежь.

Что такое «парадокс префигуративной культуры»? Материалы и методы

Для лучшего понимания описанного выше фундаментального парадокса техники (противо-

речие между человеческой и бесчеловечной ее составляющими) необходимо найти современное нам базовое понятие, в котором общечеловеческое противостоит бесчеловечному и в которое входило бы также и понятие «техника» не только как собственно «средство для достижения целей», но и как связанный с ней *Ge-stell*, сопутствующее ей обрамление (термин странно и неудачно переведенный на русский язык словом «по-став»). Суть современной техники – *Ge-stell*, культура как обрамление и возделывание, очеловечивание бесчеловечного, знание и его передача.

При этом научающая функция техники связана с образованием – способом передачи информации, в основном от поколения к поколению. В этом смысле, понимая культуру как *Ge-stell*, технику обучающую и ту, которой научаются, технику – носитель обучающей информации и способ научения, нам необходимо обратиться к теориям типов передачи знаний – типов образовательной коммуникации, способным отразить состояние современных нам культуры и техники. Такой теорией могла бы послужить теория префигуративной культуры Маргарет Мид.

Понятие «префигуративная культура» было предложено американским культурным антропологом Магарет Мид (Мид, 1970). Мид различает три основных типа культуры с точки зрения способа передачи знаний от поколения к поколению: дофигуративная, кофигуративная и префигуративная культуры. В префигуративной культуре младшее поколение обладает знаниями, которыми старшее поколение обладать не может, то есть младшее поколение учит старшее новым умениям, навыкам. Цифровое поколение можно определить как поколение людей, родившихся в период бума цифровых инноваций на потребительском рынке. Поколения Y и Z – не изобретатели, но потребители цифровой продукции. Возраст поколения «дигитально грамотных» (Oblinger, 2005) колеблется от исследователя к исследователю. Для некоторых поколение постмиллениумов начинается уже с 1995 года (поколение фиджитал) (Стиллман, 2018). Для других, поколение постмиллениумов, или Z, начинает свою историю с 2001 года (Oh, Reeves, 2014), также указываются даты, соответствующие времени подъема и расцвета цифровизации (2004 год) (Strauss, Howe, 1997).

Парадоксы префигуративной культуры. Результаты и выводы

В результате проведенных исследований нами предложен портрет цифрового поколения.

Такая на первый взгляд противоречивая характеристика цифрового поколения вписывается в ряд свойственных цифровой культуре парадоксов и может быть связана с парадоксальной природой префигуративной культуры в целом.

1. Парадокс глокальности

Термин *glocal* – слово-чехмодан, калька от японского *dochakuka* (*global localization*), используемая в экономическом и социологическом лексиконе начиная с 1980-х годов (Khondker, 2004:3). Глокализация характеризует состояние экономики, общества, культуры, где наиболее приемлемой стратегией является позиция, в которой индивид существует одновременно в двух измерениях – глобальном и локальном. Использование цифровых технологий, и в особенности интернет, способствует формированию глокальных стратегий, а также особого «воображения» (Friedman, 2005) или, лучше сказать, воображаемой географии, воображаемой системы мира, где воображаемое локальное «я» без проблем вписывается в воображаемое глобальное «мы». Поколения Y и Z, в том числе и на постсоветском пространстве, являются глокальными сетевыми поколениями. Не зная предела в получении информации, для них нет и пространственных границ: это поколение, имеющее друзей, приятелей во всем мире, с кем они общаются в любое время дня и суток. Представители Поколения Z могут свободно примерять на себя разные личности, проявлять интерес к разным областям жизнедеятельности, вступать в разные сетевые сообщества во всех странах мира (где интернет-контент существует и не ограничен для пользователей) и расширять свой кругозор. Пространство, как им кажется, расширилось до бесконечности, человек стал человеком мира: своеобразный, вписанный в многообразное. Ключевую роль в глобализованном мире играет слово *многообразие*. Поколение Z растет в нетрадиционной социальной среде. С их точки зрения, нет правильного или неправильного, нормального или ненормального. Для них очевидно, что люди происходят из разных социально-экономических слоев, рас, национальностей. Они воспринимают мир как состоящий из людей разной гендерной идентичности и сексуальной ориентации. Причем такое принятие невероятно разнообразного мира – не проявление терпимости, а образ мысли. Терпимость подразумевает, что существуют «другие» или «разные» люди, а, по мнению поколения Z, такое представление не соответствует действительности. В глокальном мире разнообразие является нормой. Пожалуй, для Казахстана одним

из ярких примеров глокальности является К-поп культура (<https://ru.wikipedia.org/wiki/К-поп>). Трансформировавшись из региональной молодежной субкультуры, корейский К-поп стиль получил своеобразное развитие в Казахстане с новым языковым контентом. Так, к концу 2010-х годов в Казахстане среди подростков 12-16 лет популярной стала группа *Ninety One*. Группа поет песни на казахском языке, используя в своих клипах этнический казахский видеоряд, состоящий из символов, понятных родившемуся в эпоху независимости Казахстана подростку (шанырак, беркут, юрта и т.д.), но при этом в ритме К-поп и с участием исполнителей, одетых, двигающихся в стиле и ритме К-поп.

Еще одним культурным феноменом похожего порядка является популярность казахстанского певца Димаша. Внешне следуя определенным К-поп стандартам (прическа, внешность, макияж и т.д.), Димаш часто использует в сценическом образе элементы этничности (казахский орнамент, казахский чапан и пр.). Песни звучат на казахском, русском, английском и других языках. Общество и сформировавшийся в нем подросток как бы подчеркивают, что молодой казахстанец – с одной стороны, космополит, но с другой – носитель своей местной, национальной, этнической, локальной культуры.

Глобальная культура, в которой живет сегодняшний подросток, является в то же время локальной для него самого. Имея доступ в сеть, он знакомится с миром и многообразием культур, являясь носителем своей местной культуры. У него есть возможность донести свою культуру, познакомиться с ней большой круг виртуальных друзей, сделать ее узнаваемой и популярной. У цифрового поколения рождается ощущение связи со всем миром, не покидая своего локального места. Его пространство безгранично и одновременно сужено до пределов спальни комнаты. «Молодежь создала культуру спальни, которая облегчает потребление средств массовой информации без родительского надзора или ограничения» (Mesch, 2009:52). Согласно опросу, проведенному в рамках данного исследования в Республике Казахстан, в свободное время большинство респондентов (представители поколения Z) предпочитают находиться дома (рисунок1).

Из опрошенных 370 респондентов 25% отметили Интернет как место, где можно провести время. Это означает, что различия между физическим и виртуальным пространством большой роли не играет.

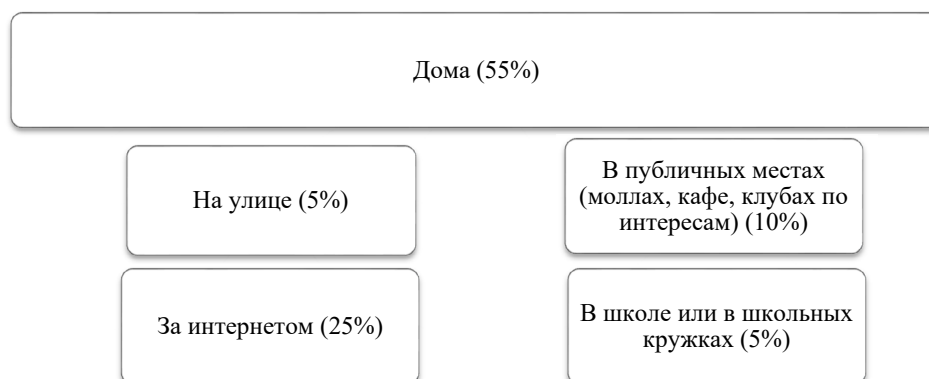

Рисунок 1 – Любимое место свободного времяпровождения

Парадоксальность феномена казахского К-рор и «спальной культуры» казахстанских подростков состоит не только в самом термине *glocal*, содержащем в себе два противоречивых с точки зрения обыденного сознания термина. Парадоксальность постсоветской глокализации, как и всякой глокализации вообще, в том, что не только глобальность, но и локальность не соответствует заявленной функции. Воображаемая глобальность соответствует уровню реального ментального и социального развития подростка, не имеющего представления о настоящих глобальных потоках не только в силу своей незрелости, но и потому, что все представления о глобальном среднестатистический подросток получает из доступного ему ограниченного цифрового интернет-контента. Подросток, как и всякий цифровой пользователь, остается слабым и зависимым потребителем, заключенным в технический *Ge-stell*. С другой стороны, заявленная локальность также не имеет ничего общего с реальной локальной культурой. В случае с тем же казахским К-рор или феноменом популярности исполнителя Димаша Кудайбергенова, никто из исполнителей ни внешне, ни благодаря используемой символике, ни в текстах песен не соответствует настоящему локальному положению вещей, существующих, скажем, для жителей станции Арыс, или города Шымкент, или местечка Букей-Орда, или древнего захоронения на плато Устюрт. Цифровая среда не переносит реального человека в реальное место, цифровая фотография в социальной сети не передает ни запахов, ни звуков, ни даже настоящего света и цвета, тем более цифровой контент не может помочь прожить жизнь локального обитателя места, а общение с цифровыми друзьями стерильно и не позволяет ощутить присутствие Другого. Локальность, как и глобальность, воображаемая,

только лишь в очередной раз подчеркивает бесчеловечную сущность техники, теперь в цифровом формате.

2. Интернет – друг и враг

В исследовании, проводимом Представительством фонда им. Ф. Эберта в Казахстане (Молодежь Центральной Азии, 2017), ответы респондентов возраста 14-29 лет из стран Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана практически одинаковы. Мировой сетью пользуются все молодые люди, в большей мере граждане Казахстана, в меньшей – Таджикистана (84,7% – казахстанцы, 53,5% – таджики). Казахстанские респонденты дольше всех проводят время в интернете – в среднем 3,93 часа, тогда как меньше всего (2,32 часа) проводят за интернетом таджикистанские молодые люди. Вероятное объяснение такому разрыву в численных показателях – разница политической и экономической ситуаций двух стран.

В проведенном авторами статьи исследовании проводят свободное время за интернетом – 25% казахстанских школьников. На вопрос, какие сайты Вы посещаете, согласно результатам, популярностью среди подростков пользуются социальные сети. 88% из всех опрошенных выбрали данный вариант ответа. Поисковыми сайтами чаще пользуются 40% из всех опрошенных, и в два раза меньше результатов показал вариант ответа «Игровые, развлекательные сайты» (21%). Исследования подтверждают, что социальные сети оказывают значительное влияние на подростков, для них это не только площадка для общения, но и демонстрация своих возможностей.

Характерной навязчивостью для современных подростков становится так называемый синдром упущенной выгоды или FOMO (fear of missing out) (Стиллман, 2018). С появлением со-

циальных сетей стало проще следить за актуальными событиями – онлайн, но также и оффлайн. Однако благо сверхинформированности таит в себе деструктивное зерно. На практике реальное время физического и социального существования человека остаётся ограниченным, что приводит к внутренним конфликтам, навязчивости или, как было сказано выше, парадоксу злого доброго интернета, друга-врага. Таким образом, внешняя постоянная осведомленность становится причиной психологического и психического нездоровья подростков, сформировавшихся под влиянием и в эпоху интенсивного потребления цифровой продукции.

3. Вневременное время (*timeless time*)

Время – одна из фундаментальных характеристик бытия человека, его биологической и социальной сути. Считается, что в эпоху четвертой промышленной революции современные вызовы сетевого общества нарушают жизненный цикл человека. Сетевое общество с его обязательным условием мгновенного получения информации позволяет почти молниеносно объединить данные из разных точек мира и передать их в любую точку мира с помощью гипермедиа. Находясь в городе Алматы в 10 часов утра, заурядный пользователь любого чата может вести беседу в реальном времени с жителем, например, города Нью-Йорка, где в данный момент 23 часа ночи предыдущего дня.

Цифровое поколение живет в мире мгновенной высокоскоростной передачи потоков информации (пространство потоков – *space of flows*) (<http://jeremiahcommunity.ca/wp-content/uploads/2019/01/Castells-Space-of-Flows....pdf>). Время для поколения фиджитал – большая ценность. Ввиду ее острой нехватки в последнее десятилетие (жесткая конкуренция, частая сменяемость информации, постоянный цейтнот) количество затраченного времени становится условием выполнения той или иной работы. Экономя время, живущее в Интернет-пространстве поколение Y-Z коммуницирует символами и знаками. Смайлы, стикеры, гифы – усталость языка, соревнующегося с вневременным временем, в котором «нет времени объяснять» (слоган популярного мема).

Как утверждает французский антрополог Клод Леви-Стросс, культура и общество неразрывно связаны между собой, а связывают их коммуникация и способы коммуницирования (Леви-Стросс, 1985). Культура имеет символическую природу (символы, знаки, язык). Значения любых знаков относятся либо к вещам и

предметам реального физического мира, либо к явлениям психической и духовной жизни (понятия, представления, чувства и т.п.). Значение символов указывает на значимость, ценность этих явлений как для отдельного человека (индивидуальные символы), так и для малых и больших групп людей. Очевидно, что активное использование символов в чатах, в письмах говорит о еще одном культурном изменении XXI века: отношение коммуникантов к времени жизни и работы, к человеку, к какому-либо жизненному феномену, выраженное в символах, знаках. Согласно данным авторов, 100% казахстанских подростков используют в переписке смайлы, эмодзи или картинки. Они объясняют это тем, что использование эмодзи значительно сокращает время, украшает письмо и выражает душевное состояние. Поколение цифровых потребителей взрослеет в эпоху торрентов, демотиваторов, инфографики, образов и карт.

Парадокс вневременного времени как бы объединяет в себе болезни поколения цифровых потребителей – синдром упущенной выгоды и номофобию, то есть боязнь остаться без мобильной связи (от *no-mobile phobia*). В беседах с фокус-группами казахстанских подростков был задан вопрос: «Что вы чувствуете в случае, если оставите телефон дома?». 75% респондентов ответили, что им не хватает уверенности, появляется нервозность и тревога. У оставшихся 25% отсутствие телефона с собой вызовет лишь чувство любопытства, какие телефонные звонки и сообщения они могли пропустить. Вневременное время – видимое сокращение времени, затрачиваемого на получение информации, сбор и обработку любых данных – будучи на первый взгляд благом, в особенности в том, что касается его экономической составляющей, не снимает проблему реального времени в его необратимостью и с необходимостью для человека прожить этот отрезок времени. Парадокс времени без времени не отменяет фактов условия человеческого существования, ограниченности физической и интеллектуальной человека и человечества, необходимости жить и умереть.

К вопросу о применимости теории поколений на постсоветском пространстве

Естественным началом дискуссии, связанной с изучением ценностей, так называемых поколений Y и Z на постсоветском пространстве, явился бы вопрос о применимости теории поколений в иных исторических условиях, неже-

ли сложившийся к концу XX века в США ход исторических событий (Strauss, Howe, 1997). Незамысловатое умозаключение подсказывает, что почти восемь миллиардов людей, живущих в двухстах пятидесяти двух странах мира, не могут подчиняться одной и той же логике одного и того же цикла смены поколений на протяжении всей истории человечества.

Поэтому принятие теории поколений может быть только ограниченным и условным методологическим приемом, позволяющим описание некоторой группы людей – так называемого поколения – в нашем случае, поколений Y и Z, миллениумов, поколения NEXТ, цифровых аборигенов или цифровых потребителей. Нельзя оспаривать тот факт, что доступность информации формирует определенное отношение к ней у тех, кто не знает иных способов ее получения. Технологические инновации последних пятидесяти лет, позволяющие такое восприятие информации, являются одним из следствий глобальных капиталистических отношений XX века. Таким образом, сформированный цифровыми инновациями тип мышления есть ничто иное, как образец американоподобных мышлений, типичных для глобального мира. В этом смысле теория поколений, в основу которой положена история США, применима и к подросткам постсоветского пространства и периода. Мы не выходим за рамки глобального мира с его потребностями в быстром обмене информацией и беспрепятственной торговле всех со всеми.

Однако если и можно вести речь о какой-то специфически префигуративной культуре поко-

ления цифровых потребителей, она в такой же степени «префигуративна», как и «кофигуративна». Цифровое поколение стран постсоветского пространства сформировало специфическую модель поведения, сочетающую в себе модель Я и модель МЫ. Здесь «саморазвитие», «независимость», «свобода выбора», «свобода слова», «права» уживаются с восприятием себя как части большего целого, с позиционированием себя как представителя своей семьи, мира традиций, обычаев.

Ориентируясь на поколенческую теорию и теорию префигуративной культуры, необходимо помнить, что Стив Джобс и Билл Гейтс родились в 1955 году. Одним из парадоксов поколения NEXТ является тот факт, что они – потребители, но не изобретатели цифровых инноваций. Инновации созданы бэби-бумерами, поколением покорителей космоса, революционеров 68 года и хиппи, эмблематическими фигурами которого как раз-таки и выступают Джобс и Гейтс. Парадокс префигуративной культуры заключается в утверждении возможности обучения поколением потребителей инноваций поколения изобретателей этих самых инноваций. Так ли это на самом деле, есть ли в знаниях и навыках поколения Z нечто, что было бы недоступно напрямую поколению ВВ? То бесчеловечное, что кроется в самой сути техники, вправду ли расширяет границы человеческого бытийственного и фундаментального вплоть до обретения поколением постмиллениалов нечеловеческих черт, позволяющих объявить «глобальных фиджиталов» носителем нового знания?

Литература

- Бердяев Н.А. (1933) Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. – № 38. – С. 3-37.
- Castells M. Space of Flows, Space of Places: Materials for a Theory of Urbanism in the Information Age, P. 230-240// URL:<http://jeremiahcommunity.ca/wp-content/uploads/2019/01/Castells-Space-of-Flows....pdf> (Дата обращения: 04.01.2020).
- Friedman T. L. (2005) The world is flat: A brief history of the twenty-first century. – New York: Farrar, Straus, and Giroux (FSG).
- Heidegger M. (1977) The question concerning technology and Other Essays. – New-York – London: Garland Publishing, pp.3-35.
- Khondker H. H. (2004) Glocalization as globalization: Evolution of a sociological concept. Bangladesh e-Journal of Sociology, 1(2), p.3.
- К-Поп. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/К-поп> (дата обращения: 30.04.19)
- Леви-Стросс К. (1985) Структурная антропология. – М.: Наука, – 535 с.
- Mesch G. (2009) The Internet and youth culture // The Hedgehog Review, Vol. 11, No. 1, P.50-53.
- Mead M. (1970) Culture and commitment: A study of the generation gap. – New York: The American Museum of Natural History/Doubleday, 91 p.
- Молодежь Центральной Азии. Сравнительный обзор. На основе социологического опроса (2017) / Под научным руководством проф. Клауса Хурельмана и Пэра Тешендорфа (Германия, Берлин). – Алматы, – 90 с.
- Oblinger D. G., Oblinger, J. L. (Eds.) (2005) Educating the Net Generation. Washington: Educause, URL: <https://www.educause.edu/ir/library/PDF/pub7101.PDF> (дата обращения: 7.03.2020).

Oh E., Reeves, T.C. (2014) Generational differences and the integration of technology in learning, instruction, and performance. In handbook of research on educational communications and technology: Fourth edition, pp. 819-828.

Стиллман Д., Стиллман И. (2018) Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык: Перевод с английского / Д. Стиллман, И. Стиллман. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», – 270 с.

Strauss W., Howe N. (1997) The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny, 400 p.

References

Berdiaev N.A. (1933) Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) [Man and Technic (the problems of sociology and technique's metaphysics)] // Put', № 38., P. 3-37.

Castells M. Space of Flows, Space of Places: Materials for a Theory of Urbanism in the Information Age, P. 230-240//URL:<http://jeremiahcommunity.ca/wp-content/uploads/2019/01/Castells-Space-of-Flows....pdf> (dated from 04.01.2020).

Friedman, T. L. (2005) The world is flat: A brief history of the twenty-first century. New York: Farrar, Straus, and Giroux (FSG)

Heidegger M. (1977) The question concerning technology and Other Essays, New-York – London: Garland Publishing, pp.3-35.

Khondker H. H. (2004) Glocalization as globalization: Evolution of a sociological concept. Bangladesh e-Journal of Sociology, 1(2), p.3.

K-Pop. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/K-pop> (dated from 30.04.19)

Lewi-Strauss K. (1985) Strukturnaya antropologiya [Structure Anthropology], Moscow, Nauka, 535 p.

Mesch G. (2009) The Internet and youth culture.//The Hedgehog Review, Vol. 11, No. 1, P.50-53.

Mead M. (1970) Culture and commitment: A study of the generation gap. New York: The American Museum of Natural History/Doubleday, 91p.

Molodezh' Tsentral'noi Azii. Sravnitel'nyi obzor. Na osnove sotsiologicheskogo oprosa. [Youth of Central Asia: A comparative review] (20 17) Ed. by prof. K. Hurelmann, P. Teschendorf (Germany, Berlin), Almaty, 90 p.

Oblinger D. G., Oblinger, J. L. (Eds.) (2005) Educating the Net Generation. Washington: Educause, 2005. URL: <https://www.educause.edu/ir/library/PDF/pub7101.PDF> (dated from 7.03.2020).

Oh, E., Reeves T.C. (2014) Generational differences and the integration of technology in learning, instruction, and performance. In handbook of research on educational communications and technology: Fourth edition, pp. 819-828.

Stillman D., Stillman S. (2018) Pokolenie Z na rabote. Kak ego poniat' i naiti s nim obshchii iazyk. [Generation Z at work: How the next Generation is Transforming the Workplace]. Translated by Kondukov Yu., Moscow: «Mann, Ivanov and u Ferber», 270 p.

Strauss W., Howe N. (1997) The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny, 400 p.